

УДК 94(470.332)"1941/1943"

ЖИЗНЬ СМОЛЯН В ОККУПАЦИИ (1941–1943)

Т. И. Тарасенкова

*Государственный архив новейшей истории Смоленской области,
ул. Ленина, 28, 214000, г. Смоленск, Россия, tata-tarasenkova@yandex.ru*

В статье автор анализирует документы Государственного архива новейшей истории Смоленской области о повседневной жизни мирного населения на оккупированной территории Смоленской области в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются документы личного происхождения о различных сферах жизни — судьбах военнопленных красноармейцев и бежавших из окружения, условиях жизни и практиках выживания местного населения, организации оккупационной власти, системе налогообложения, действии паспортно-пропускной системы, использовании жителей для выполнения принудительных работ, насилии. Тяжелые материальные условия жизни, голод, карательные операции были причинами высокой смертности среди населения и являлись частью политики уничтожения населения, реализованной нацистами в годы войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Смоленская область; оккупация; мирное население; повседневная жизнь.

THE LIFE OF RESIDENTS OF THE SMOLENSK REGION UNDER OCCUPATION (1941–1943)

T. I. Tarasenkova

*State archives of modern history of the Smolensk region,
Lenin Street, 28, 214000, Russia, tata-tarasenkova@yandex.ru*

In the article, the author analyzes the documents of the State archives of the modern history of the Smolensk region on the daily life of civilians in the occupied territory of the Smolensk region during the Great Patriotic War. Documents of personal origin on various spheres of life are considered — the fate of prisoners of war of the Red Army and those who escaped from the environment, living conditions and survival practices of the local population, the organization of the occupation authorities, the taxation system, the operation of the passport and access system, the use of residents to perform forced labor, violence. Difficult material living conditions, famine, punitive operations were the causes of high mortality among the population and were part of the policy of extermination of the civilian population implemented by the Nazis during the war.

Keywords: the Great Patriotic war; Smolensk region; occupation; civilians; daily life.

Великая Отечественная война — глобальное событие, которое изучалось исследователями в течение всех послевоенных десятилетий. Но не все ее аспекты получили полное освещение. Повседневная жизнь гражданского населения на оккупированной территории Смоленской области в 1941–1943 гг. рассматривается в ограниченном количестве научных публикаций [1; 2; 3].

В Государственном архиве новейшей истории Смоленской области в фонде Западного штаба партизанского движения сохранились воспоминания смолян, переживших оккупацию. До начала войны они работали в колхозах, на МТС, занимали ответственные должности в райкомах ВКП(б), правоохранительных органах. В период оккупации многие из них, преимущественно мужчины, состояли в партизанских отрядах, женщины становились разведчицами, выполняли вспомогательную работу по обеспечению партизан продуктами, вещами.

Большинство воспоминаний записано в послевоенное время в 1946–1948 гг. сотрудниками архива Смоленского обкома ВКП(б). Часть воспоминаний датирована 1942 г. и собрана сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Начало войны. Новость о начале войны оказалась неожиданной для всех. Жители Смоленска узнали о ней в полдень из выступления по радио наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова. В районах области о ней стало известно во второй половине дня — из повторения речи В. М. Молотова в 4 часа дня. О начале войны сообщали в сельсоветах, в почтовых отделениях получали телеграммы с известием о начале войны. Мобилизация проводилась быстро, без дополнительных собраний и специальных речей. Людям вручались повестки и на колхозном транспорте они ехали в военкоматы [4, л. 36].

Началась эвакуация фабрик и заводов, населения. В первую очередь, эвакуировались семьи военнослужащих и работников учреждений. Горожане покидали свои дома, отправляясь в деревни к родственникам, где можно было выжить. Сельских жителей, в отличие от городских, эвакуировалось мало. Они либо оставались на месте, не планируя переселиться, либо не успевали эвакуироваться [5, л. 17].

Судьба военнопленных солдат и командиров Красной Армии. К концу осени 1941 г. на оккупированной территории Смоленской области оказалось большое количество красноармейцев. Среди них было много раненых, некоторых не успели эвакуировать перед отступлением.

В деревне Хватов Завод Семлевского района (ныне — Вяземский район) был организован госпиталь для солдат. Он возник по инициативе сельского фельдшера Акима Никоновича Васильева, который спасал раненых, бежавших из вражеского окружения в районе Вязьмы. Акиму Никоновичу помогала вся его семья — жена Анастасия Ивановна, сын Александр, дочь Антонина, племянница Анастасия, друг сына Петр Григорьев. Они стирали бинты, готовили пищу раненым из продуктов, принесенных односельчанами, искали на полях лекарства и медикаменты [6, л. 7–14].

Раненых было настолько много, что в госпитале не хватало мест. Приходилось солдат размещать просто на полу, расстилая солому. Также солдатам было выделено и место в доме Васильевых. Супруги Васильевы погибли от рук немцев: Анастасия Ивановна в январе 1942 г., Аким Никонич в августе того же года. Но госпиталь работал и дальше, до тех пор, пока оттуда не вышел последний больной. Всего семья Васильевых спасла от смерти около 500 раненых бойцов.

В Знаменке в одной из церквей остались не эвакуированными бойцы и командиры Красной Армии, которых ждала смерть от ран и голода. По инициативе местных жителей в д. Желанья было организовано два госпиталя — в клубе и в школе. О госпитале стало быстро известно, и раненые, которые могли передвигаться, приходили сами, тяжелобольных привозили. Максимальное количество больных, проходивших лечение в этих госпиталях, достигало 300 человек [5, л. 159, 166]. Врачи в госпитале тоже были из красноармейцев-окруженцев.

Продукты для госпиталя собирало все население, также по двое-трое раненых прикрепляли к домохозяйству, и семья должна была кормить своих подопечных, принося еду в госпиталь. Лекарства собирали жители деревень: на местах боев в лесах и на полях они находили много санитарных сумок с медикаментами. перевязочный материал искали по домам, стирали его, кипятили.

17 января 1942 г. началась Вяземская воздушно-десантная операция, в д. Желанья высадился парашютный десант. Перед тем как немцы оставили деревню, все красноармейцы, которых они нашли, были расстреляны.

В январе–апреле 1942 г. оккупационные власти потребовали от окруженцев пройти регистрацию. Тех, кто приходил регистрироваться, собирали и увозили в лагерь для военнопленных. Для многих окруженцев это стало мотивом примкнуть к партизанским отрядам.

Материальные и бытовые условия жизни. С началом оккупации жители Смоленской области оказались в сложных материальных условиях.

До конца 1941 г. население было неплохо обеспечено продовольствием. Осенью колхозное зерно крестьяне собрали и разделили между домохозяйствами, колхозный скот, не эвакуированный в тыл, тоже был распределен. Пострадавшими в начале оккупации оказались преимущественно те семьи, чье хозяйство было разорено в ходе боев.

Поражение немецких войск в Московской битве изменило ситуацию. Численность немецких солдат в области резко увеличилась. Крестьянские семьи выселяли из домов, выбранных нацистами для постоя. Выселенные на улицу люди искали приют у родственников, соседей или выкапывали себе землянки. Продовольственные запасы, которые крестьяне раньше

хранили в амбарах, теперь закапывали в землю. В земле прятали одежду, обувь, предметы быта [5, л. 17 об.]. Немецкие солдаты узнавали о таких тайниках и раскапывали их, забирая себе все продукты и имущество.

Система налогообложения. Вводилась разветвленная система налогообложения. В разных районах и населенных пунктах области она состояла из различных видов работ, услуг, имущества, подлежащих налогообложению.

В Руднянском районе с мая 1942 г. немцы ввели налоги: за кошку — 50 руб. в год, за собаку — 150 руб. в год, за курицу — 30 яиц, за удочку — от 2 до 10 руб., за музыкальные инструменты от 1 до 3 руб., подушный налог на каждого человека от 16 до 60 лет — 120 руб. в год. В Починковском районе с населения собирали в виде налогов по 6 яиц в месяц, по два литра молока в день, по 150 руб. подушного налога с человека в год. При несвоевременной сдаче яиц и молока куры и коровы у населения отбирались [7, л. 13; 8, л. 19–21]. Взимались налоги с лошади, с коровы, налог со строений, из зарплаты работающего человека ежемесячно удерживался подоходный налог 10 %. Кроме денежных налогов население платило натуральные налоги мясом, молоком, картофелем. Источником дохода для оккупационной администрации была выдача пропусков для перемещения между населенными пунктами, удостоверений, справок.

Организация власти. Житель д. Желанья Знаменского района Василий Иванович Веселовский по стечению обстоятельств в октябре 1941 г. оказался в Знаменской комендатуре на собрании, на котором комендант заявил, что все учреждения в районе останутся, как и при советской власти, только не будет райкома партии и райисполкома. Население должно платить нацистам те же налоги, которые выплачивали прежде [5, л. 161 об.–162].

Часть крестьян ждала от нацистов роспуска колхозов и развития личных хозяйств. Но нацисты в деревнях Сафоновского района развесили приказ о создании «общих дворов». Зерно и скот, ранее принадлежавшие колхозам, а с началом оккупации разобранные по дворам, крестьянам предписывалось вернуть на «общий двор». На тех полях, на которых зерно еще не было обмолочено, молотили под контролем немцев: они приезжали, собирали зерно в мешки и увозили его, ничего не оставляя крестьянам [9, л. 36].

Уровень достатка, который в 1941 г. оценивался авторами воспоминаний как неплохой, начал снижаться уже с начала 1942 г. Изъятие продуктов и имущества нацистами, отсутствие достаточного количества рабочей силы и тяглового скота для посевных работ становились причинами резкого обеднения крестьянских хозяйств. В 1943 г. ситуация еще больше усугубилась, особенно для хозяйств, в которых было много нетрудоспособных членов семей — детей и стариков.

Принудительные работы. Оккупационные власти широко использовали местное население для выполнения различных работ под принуждением. Жителей привлекали к охране железных и шоссейных дорог. За каждым жителем закреплялся участок дороги в несколько сотен метров. За малейшее повреждение железнодорожного пути охранявший его расстреливался.

В декабре 1941 г. по приказу немецкой полевой комендатуры к расчистке железнодорожных путей от снега на станции Смоленск ежедневно привлекалось 1500 чел. В дни «дежурства» каждый гражданин должен был находиться дома и ждать сигнала тревоги — вызова на работу, а после подачи сигнала (боя колокола, гудка ТЭЦ) кратчайшим путем следовать на железнодорожную станцию и, получив лопату, кирку или метлу, расчищать рельсы. Никакие причины неявки или опоздания не принимались во внимание. Самым незначительным наказанием за подобный проступок являлось заключение на 15-дневный срок концлагерь № 126 [10, с. 16].

Для подготовки дорог к зиме каждого трудоспособного жителя обязали сделать по 15 огораживающих щитов из своих пиломатериалов [11, л. 21–22]. В то же время во Восточном районе в августе 1942 г. крестьянам запретили заготавливать лес для постройки жилых домов, объясняя это тем, что надо активно работать для немецкой армии, а не строить дома для себя [11, л. 22].

Паспортно-пропускной режим. Оккупационные власти для обеспечения безопасности немецких солдат, для установления контроля над населением вводили паспортно-пропускной режим и ограничивали возможности передвижения людей между населенными пунктами.

Новая администрация назначала старост и поручала составлять им списки всех жителей. В списки включалась информация о том, с какого времени человек проживает в населенном пункте, и если он не уроженец здешних мест, то откуда прибыл. Тем самым выявлялись красноармейцы, селившиеся в крестьянских семьях под видом родственников, и партизаны-разведчики, перемещавшиеся между деревнями и районами.

Старосты, назначенные на эти должности против своей воли и лояльно относившиеся к партизанам, предупреждали о составлении списков и давали возможность покинуть деревни лицам, которым грозила опасность.

Описания немецких документов имеются во многих воспоминаниях: паспорт представлял собой небольшой кусочек картона, перегнутого пополам, в котором указывались: фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность и место жительства граждан, причем писалось это на немецком и русском языках. Подписывал паспорт бургомистр волости и паспортист. Фотокарточки не было, но зато указывались: рост, цвет волос и глаз и особые приметы [13, л. 184 об.].

В деревнях Кармановского района (Нижняя Трупня, Песочня) всему населению с 12-летнего возраста были выданы нашейные бирки из фанеры с указанием номера (каждому человеку присваивался индивидуальный номер) и названия деревни по-немецки. Перемещение по деревне и за ее пределами без нашейного номера каралось — до 25 ударов розгами или заключение на ночь в холодном помещении [12, л. 90, 98].

Местные жители регулярно становились свидетелями казней партизан, красноармейцев, своих односельчан. В д. Песочня была сооружена виселица. Все казни осуществлялись публично с целью устрашения населения. Перед каждым повешением нацисты собирали всех жителей деревни и окрестных сел и расставляли около виселицы, «не давали плакать, и тут же на глазах вешали, а всякое такое злодеяние они фотографировали» [12, л. 98].

Повседневная жизнь сельского населения Смоленской области в годы нацистской оккупации, представленная в воспоминаниях очевидцев, показывает невероятный масштаб трагедии, с которой столкнулись люди. Тяжелые материальные условия жизни, голод, карательные операции, сожжение деревень являлись частью целенаправленной политики уничтожения мирных жителей. Воспоминания людей, переживших оккупацию, только сейчас становятся предметом исследования и открывают много неизвестных страниц о жизни мирных граждан в трудное военное время.

Библиографические ссылки

1. *Комаров Д. Е.* Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск: Свиток, 2015. 367 с.
2. *Стрелец Р. В.* Преступления нацистов против мирного населения Смоленской области в период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2023. № 4. С. 4–17.
3. *Якутин А. В.* Конфессиональная политика нацистских оккупационных властей в захваченных районах Смоленщины в 1941–1943 годах // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 2. С. 34–41.
4. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. Р-8. Оп. 8. Д. 132. Л. 36.
5. ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 299. Л. 17.
6. ГАНИСО. Ф. Р-142. Оп. 2. Д. 403. Л. 7–14.
7. ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 252. Л. 13.
8. ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 2. Д. 106. Л. 19–21.
9. ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 395. Л. 36.
10. Все судьбы в единую слиты: По рассекреченным арх. док. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / Администрация Смоленск. обл., Департамент Смоленск. обл. по делам арх.; Авт.-сост. Н. Г. Емельянова и др. Смоленск: Маджента, 2003. 152 с.
11. ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 2. Д. 170. Л. 21–22.
12. ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 8. Д. 215. Л. 108.
13. ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 265. Л. 184 об.